

Ци Сяюй и Юй Сяошэн вышли из офиса журнала и направились прямо на задний двор, чтобы забрать машину.

Юй Сяошэн сел в машину, вставил ключ и поставил ногу на педаль, но прежде, чем он смог завести машину, он отпустил ногу, остановив машину, все еще в гневе.

Ци Сяюй взглянул на него.

Он достал сигарету, прикурил, сделал две затяжки и рассмеялся над собой.

— Ты все знаешь? Продолжал притворяться передо мной, что ничего не замечаешь, и даже сказал им, что у нас назначена встреча с режиссером, поговорить о фильме. Твое актерское мастерство довольно хорошее. Это пустая трата времени, если ты не станешь актером.

Ци Сяюй улыбнулся.

— Правда? Я тоже думаю, что вполне подхожу для этой профессии. Мне просто не хватает сценария.

Юй Сяошэн улыбнулся, пытаясь соответствовать шуткам Ци Сяюя. Но улыбка, которую он выдавил, была уродливее слез.

Ци Сяюй дотронулся до носа и утешил его.

— Брат Юй, это дело вообще не имеет к тебе никакого отношения. Я хотел покрасоваться, так что тебе не нужно винить себя.

С сигаретой во рту Юй Сяошэн сделал две глубокие затяжки, и из его носа вырвался прямой клуб дыма.

— На этот раз ты усердно потрудился, но я не поспел.

Ци Сяюй похлопал Юй Сяошэна по плечу и бодро сказал:

— Все в порядке, брат Юй. В будущем будет больше возможностей.

Юй Сяошэн был немного подавлен.

— Сяо Юй, поскольку ты все знаешь, я не буду скрывать от тебя. Финансовое положение компании в этом году не очень хорошее, и последние несколько месяцев она несла убытки... Только ты и Жэн Фэй немного популярны среди артистов компании, но теперь вы

даже не можете получить никакой работы. Если так будет продолжаться, компания может долго не просуществовать. Я рассказал тебе все это, так что ты можешь строить планы для себя.

— ...

Звучит хуже, чем в оригинальной книге. Почему компания обанкротилась после его переселения... В оригинальной книге компания выжила до конца полного текста.

Он вдруг немного забеспокоился, что его неожиданное появление многое изменит.

Увидев изменение в выражении лица Ци Сяююя, Юй Сяошэн, который изначально был грустным, быстро сменил тему:

— Достань свой телефон. Я переведу тебе гонорар за сегодняшнюю съемку.

— Э-э-э... они заплатили нам вперед? Если ты уже получил деньги, тогда для нас было бы плохо так делать.

— Что за черт? Кто, кроме нас, захотел бы заполнять их страницы в такой спешке? Этой суммы денег не хватает даже на покрытие дорожных расходов, и они даже не показали нам своего лица. Тск, неудивительно, что они все еще журнал второго уровня.

Ци Сяююй не мог удержаться от смеха.

— Это не то, что ты говорил утром. Ты сказал, что у них есть рынок для учеников младших классов средней школы.

Юй Сяошэн тоже улыбнулся.

— Ты думаешь, мне нравится терять лицо? Пошли, мы больше не придем в это дерьмовое место, даже если нас пригласят.

Ци Сяююй расстался с Юй Сяошэном на станции метро. Он не вернулся прямо в дом Сюнь, а сделал крюк, зайдя в ближайший супермаркет. Завтра Лидун (начало зимы, 7-8 ноября). Он решил хорошенько подготовиться и отложить другие дела на время.

Только что Юй Сяошэн перевел ему несколько тысяч юаней. Как раз хватило на несколько покупок.

Ему нравились зимние каникулы.

Раньше в оперной труппе, кроме Китайского нового года, единственным днем, когда он мог отдохнуть полдня, был Лидун.

В этот день мастер использовал эрху, играя несколько веселых песен, а старшая сестра пекла пельмени для всех.

Боевые братья, у которых не было домашних заданий, могли прогуляться по улице, купить засахаренный боярышник, съесть вонтоны с креветками, посмотреть уличные представления и так далее.

Мастер обычно не разрешал им есть рыбу и креветки, которые могли вызвать болезни и аллергию. Но делал исключение и позволял каждому есть все, что они хотят, во время Лидуна.

Для подростка Ци Сяюя счастливее этой жизни просто нет.

Поэтому, несмотря на то, что эпоха изменилась, изменилось тело, и он единственный, кто остался, он все еще хочет хорошо отпраздновать.

В супермаркете три этажа. Ци Сяюй сразу направился в отдел свежих продуктов на первом этаже. Сначала он выбрал шесть крабов, затем купил муки, свиную грудинку, китайскую капусту, креветок, побеги бамбука, манго и пакет масла.

После покупки всех ингредиентов он все еще был немного недоволен. Он проходил мимо универсама и купил маленькую губную гармошку.

Затем он отправился на антикварный рынок цветов и птиц рядом с супермаркетом, чтобы прогуляться.

Ци Сяюй любил покупать вещи, особенно мелкую посуду. Однажды купив их, он не мог остановиться.

Но вещи на этом рынке цветов и птиц так себе. Ци Сяюй долго прогуливался, но взял только одну чашку. Это была глазированная чашка Тяньбай с тонким темным узором, выступающим под белой глазурью.

Владелец антикварного магазина изначально хотел назначить высокую цену, заявив, что это глазурь Тяньбай, произведенная в официальных печах династии Мин.

Ци Сяюй улыбнулся и достал свой телефон, чтобы включить фонарик, светя по диагонали на дно чашки под углом 45 градусов. Затем, указывая на узор на дне чашки, подсвеченный

оптическими волокнами, он сказал:

— Босс, вы можете объяснить, почему глазурь Тяньбай, произведенная в официальных печах, имеет такие рваные пятна на узоре?

Зная, что он встретил эксперта, босс замолчал и попросил Ци Сяюя назвать цену и забрать чашку.

Когда довольный Ци Сяюй вернулся с двумя большими сумками вещей, дворецкий Чэн был ошеломлен.

— Сяо Юй, ты покупаешь новогодние товары?

Уголки рта Ци Сяюя приподнялись, и он мило улыбнулся.

— Завтра Лидун. Я хочу приготовить пельмени и угостить всех.

После разговора он метнулся на кухню, смешал муку и воду и размесил, чтобы получились заготовки для пельменей.

Повар мама Ли бросилась на помощь и сказала, что в холодильнике есть готовые, так что не стоит беспокоиться.

Ци Сяюй поднял перепачканную мукой руку и тыльной стороной ладони пригладил волосы вокруг уха.

— Тесто, которое я сделал сам, более жевательное и толстое. Кроме того, Лидун наступает только раз в год, так что это не слишком хлопотно.

Мама Ли вздохнула.

— Лидун завтра? О, тогда позволь мне помочь тебе приготовить. В нашем родном городе во время Лидуна тоже едят пельмени.

— Хорошо, тогда помоги мне замесить тесто. Я пойду разберусь с креветками.

— Ладно, Сяо Юй, ты добавил соли в тесто? Нужно добавить еще?

Дворецкий Чэн посмотрел на серьезное отношение Ци Сяюя и был слегка ошеломлен. Семья Сюнь не часто отмечала праздники. Не говоря уже о местных фестивалях, таких как Лидун, они даже не смогли отпраздновать Праздник весны (Китайский новый год), Праздник

середины осени, Фестиваль лодок-драконов или даже дни рождения.

Сюнь Цянь не интересовался подобными вещами, поэтому остальные, естественно, хранили молчание. Семья Сюнь была покинутой круглый год.

Здесь всегда тихо, как в бассейне со стоячей водой, ни радости, ни печали.

Пока дворецкий Чэн пялился на кухню, Сюнь Цянь тоже пододвинул инвалидное кресло.

Дворецкий Чэн немедленно почтительно встал позади Сюнь Цяня и спросил:

— Мне позвать мистера Ци?

Сюнь Цянь поднял руку, показывая, что в этом нет необходимости.

Хозяин и слуга довольно долго хранили молчание.

Только спустя долгое время дворецкий Чэн неуверенно сказал:

— После прихода мистера Ци в доме действительно стало намного оживленнее. Зимний сезон также приобрел праздничный вид.

Сюнь Цянь ничего не сказал. Он лениво оглядел кухню, но его глаза были сосредоточены на спине Ци Сяюя.

Ци Сяюй был занят до наступления вечерней темноты, и только тогда он приготовил все ингредиенты, которые предстояло использовать на следующий день.

Несмотря на небольшую усталость, Ци Сяюй был в хорошем настроении. Когда он работает с мамой Ли, в его памяти всегда мелькали счастливые тени прошлого.

Старшая сестра скончалась из-за дистонии. Во второй половине дня Лидуна она все время была занята на кухне, замешивая лапшу, перемешивая мясо и шинкуя овощи.

Воспоминания, связанные с его старшей сестрой, всегда были смешаны со сладким и мясным ароматом.

Ци Сяюй вернулся в свою комнату, некоторое время не в силах уснуть.

Он толкнул дверь на балкон и вышел на небольшую террасу, где высоко в небе нефритовым

диском висела полная луна.

Ци Сяюй облокотился на перила, подперев подбородок рукой, и посмотрел на луну.

У него нет ностальгии по прошлому миру, потому что его учителя и старшей сестры там больше не было.

Но время от времени он думал о них, и всякий раз, когда он вспоминал строгое учение своего учителя и внимательную заботу старшей сестры, он чувствовал, что даже в этом мире учитель и старшая сестра все еще с ним.

Во время того единственного зимнего солнцестояния тоже было такое полнолуние. Мастер спел им отрывок из пекинской оперы «Вэнь Чжао Гуань» — круг яркой луны, сияющий перед окном, пронзающий скорбящие сердца подобно стреле.

Он достал купленную днем губную гармошку и сыграл простую мелодию.

Мелодия «Вэнь Чжао Гуань» была грустной. В то время он не чувствовал этого, слушая эту песню со многими пожилыми людьми. Но сегодня вечером он был один, и на фоне идеального лунного света все казалось особенно мрачным.

— Ци Сяюй.

Он только что закончил играть, когда вдруг услышал, что кто-то зовет его.

Скрипучий и ленивый голос принадлежал Сюнь Цяню.

Ци Сяюй поднял глаза и увидел, что Сюнь Цянь сидит на террасе по диагонали над ним, одетый в толстую меховую шубу, которая открывала только его лицо.

После того, как Сюнь Цянь окликнул его, дальнейшего разговора не было.

Ци Сяюй поднял на него глаза, встретившись с парой черных как смоль глаз.

Ци Сяюй неестественно отвернул голову и почувствовал, что это довольно неловко, поэтому он очень старался оживить атмосферу.

— Сегодняшняя луна довольно круглая.

Сюнь Цянь холодно произнес «гм».

Судя по смыслу этого тона, кажется, что он говорил: «У меня есть глаза, я вижу, что она круглая».

Ци Сяюй мысленно вздохнул, подумав, как сложно общаться с этим человеком.

Но он вспомнил, что Сюнь Цянь подарил ему пригласительный билет на день рождения и золотую карточку студии, поэтому предпринял еще одну попытку:

— Сегодня на улице ветрено. Тебе холодно, третий мастер? Принести грелку?

Сюнь Цянь снова сказал «гм».

Центральный кондиционер, используемый на вилле, был оснащен полом с подогревом. Зимой было так тепло, что можно носить одежду с короткими рукавами. На самом деле нет необходимости использовать грелку.

Ци Сяюй чувствовал, что его IQ сегодня не был в сети. Почему он вырыл себе яму?

Но поскольку яма вырыта, ее нужно заполнить.

Сначала он нашел пустой пакет из-под молока и наполнил его горячей водой, затем нашел пушистое полотенце, обернул им пакет, потрогав рукой. Он был теплым и мягким.

Ци Сяюй поднялся на третий этаж с рукотворной грелкой, в то время как Сюнь Цянь все еще сидел на террасе.

От холодного ветра кончик его носа покраснел, кожа стала прозрачной, а ресницы были такими влажными, как будто их намочили водой.

Ци Сяюй передал грелку.

Сюнь Цянь взял пакет под мышки и дважды погладил мягкую шерстку.

Но не сказал ни слова.

Через некоторое время, когда Ци Сяюй хотел поинтересоваться, не сломалась ли инвалидная коляска Сюнь Цяня, ведь из-за чего еще так долго сидеть на балконе, обдуваемый ветром, собеседник неожиданно заговорил первым:

— Что ты только что играл?

— Просто случайно. Это короткий отрывок из пекинской оперы, который я слышал, когда был ребенком.

— Ты много знаешь.

Что бы ни говорил Сюнь Цянь, он был отчужденным и безразличным, как будто издевался над другими.

Ци Сяюй не знал, было ли это комплиментом или сарказмом, поэтому мог только осторожно ответить:

— Так себе.

Через некоторое время Сюнь Цянь посмотрел на небо и сказал:

— В последний раз, когда мы с сестрой видели луну, это тоже было шестнадцатого.

Ци Сяюй на мгновение растерялся, когда Сюнь Цянь упомянул самого важного человека в его сердце. Он снова почувствовал, что с Сюнь Цянем трудно общаться. Как только он открыл рот, это было заявление такого рода.

<http://bllate.org/book/14326/1268805>